
Научная статья
УДК 94(352.3).081
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-36-46

**«ОДИН ИЗ САМЫХ ЗЛЫХ БИЧЕЙ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ...»:
К ХРОНОЛОГИИ ВОЕННОГО АКМЕ БЕСЛАНОКО АСЛАНГИРЕЯ**

Тимур Хазраилович Алоев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© Т.Х. Алоев, 2025

Аннотация. Настоящая статья посвящена последнему периоду жизни одного из черкесских лидеров периода Кавказской войны князю Беслануко Аслангирею. Ввиду его раннего вовлечения в хаджретское движение, превалирующий воинственный характер его жизненной траектории был в известной степени предопределен. В рассматриваемый период он достиг наивысшей интенсивности и проявился в наиболее выразительных формах присущих биографии раскрывающейся на военном поприще. В ходе анализа эксплицируются предвзятые трактовки отдельных сюжетов, центральной фигурой которых предстает младший Беслануко, что обеспечивает дезавуирование иррелевантных оценочных конструкций, искажающих содержание тех или иных событий. Опираясь на сведения различных источников и литературы российских авторов, а также с привлечением черкесского фольклора в тексте предпринимается попытка возможно более объемного взгляда на пик военной активности черкесского князя.

Ключевые слова: Беслануко Аслангирей, черкесы, Кубань, Лаба, военные действия, хаджреты, казаки, Кавказская линия, Правый фланг

Для цитирования: Алоев Т.Х. «Один из самых злых бичей кавказской линии...»: к хронологии военного акме Беслануко Аслангирея // Вестник КБИГИ. 2025. № 3 (66). С. 36–46. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-36-46

Original article

**«ONE OF THE MOST VICIOUS SCOURGES OF THE CAUCASIAN LINE...»:
ON THE CHRONOLOGY OF THE MILITARY ACME OF BESLANOKO ASLANGIREY**

Timur Kh. Alov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, aloevtim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6724-3603>

© T.H. Alov, 2025

Abstract. This article focuses on the final period of the life of Prince Beslanoko Aslangirey, one of the Circassian leaders during the Caucasian War. His early involvement in the Hajret movement predetermined the predominantly martial nature of his life. During this period, this nature reached its peak and manifested itself in the most expressive forms inherent to a biography unfolding in the military arena. The analysis explicates biased interpretations of individual stories, with the younger Beslanoko as the central figure, thereby disavowing irrelevant evaluative constructs that distort the content of certain events. Drawing on various sources and literature by Russian authors, as well as Circassian folklore, the text attempts to provide a comprehensive view of the peak of the Circassian prince's military activity.

Keywords: Beslanoko Aslangirey, Circassians, Kuban, Laba, military actions, Hadjrets, Cossacks, Caucasian Line, Right Flank

For citation: Alov T.Kh. «One of the most vicious scourges of the caucasian line...»: on the chronology of the military acme of Beslanoko Aslangirey. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 3 (66): 36–46 . (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-36-46

1

«Переправляясь однажды через Лабу, мы встретили человек пятьдесят черкесов, следовавших за молодым человеком на белой лошади лучшей кавказской породы... Это был один из самых злых бичей Кавказской линии, повсюду известный абрек, кабардинский князь Аслан-Гирей», – вспоминал Федор Торнау о своей первой встрече с одним из самых видных на тот момент хаджретских предводителей [Торнау 1999: 198]. Повествование Торнау представляет собой один из наиболее информативных, а потому и востребованных мемуарных текстов о Кавказской войне. Поэтому исследовательскому сообществу хорошо известно, что Бесланок Аслангирей выступает одной из центральных фигур воспоминаний остзейского аристократа.

Однако ввиду пристрастного, выраженно предвзятого отношения автора к герою настоящей работы, развернутый им рассказ выстроился в текстовый материал для анализа в оптике мифобиографии. Так как в центре повествования оказались не столько жизнь и деятельность героя во всей ее многогранности, сколько мифы и субъективные оценки о нем, вылившиеся в его специфическое «посмертное бытие» встает задача деконструкции рецептированного исторической литературой образа. Данное обстоятельство требует отдельного анализа.

Здесь же мы сосредоточимся на довольно частной задаче выяснения конкретных форм участия младшего Бесланок в хаджретской Альтернативе на пике его военной активности. Между тем нельзя не отметить, что один аспект торновской оптики оказался весьма к месту и в рамках настоящей работы. Речь идет о его суждениях, подкрепляющих вынесенную в заглавие аттестацию. Тем более, что относительно целого 1836 г. мы не располагаем достоверными сведениями о деятельности Бесланок Аслангирея на военной стезе. Но наблюдения пытливого Торнау не оставляют сомнений: Аслангирей был активен и в этот период. Иначе вряд ли объяснимо, что «в это время на Линии каждому ребенку» было известно имя отнимавшего «сон и покой у взрослых казаков» князя. Именно к этому году относится и следующее наблюдение, обнаруживающее обладателя весомой репутации военного лидера. Вынужденный блюсти конспирацию российский разведчик, сообщая своему читателю о нецелесообразности совместного с Бесланок турне по Черкесии разяснял: «Путешествие Аслан-Гирея могло действительно наделать слишком много шума в горах и собрать около него толпу провожатых...» [Торнау 1999: 259]. Для знакомых с военной культурой черкесов последнее обстоятельство было атрибутом фигуры, находившейся на пике военной славы. Именно поэтому вскоре после начала переговоров с российским командованием Бесланок попал в довольно щепетильную ситуацию – явившиеся к нему абадзехские старшины, «ссылаясь на разнесшийся слух», упрашивали его «не покоряться русским». (Аслангирей, в свою очередь, опровергал «этот слух всеми силами».) [Торнау 1999: 261].

Это обстоятельство проступает и в тяжелых раздумьях автора перед его захватом в плен. Предчувствуя неблагоприятный оборот в своем положении, Торнау посещала мысль о возможном бегстве на Линию. Однако в том предположении, что «...каждого удачный набег Аслан-Гирея и его товарищей на [русскую] границу, каждого убитого ими русского стали бы относить» к его «необдуманной боязливости» решился на риск продолжения затеянного дела [Торнау 1999: 262]. Думается, можно не объяснять, что подобная мотивация для боевого офицера, на

тот момент не первый год служившего на Кавказе, не могла основываться на беспочвенных догадках.

В этом плане не случайна звучавшая рефреном и отражавшая актуальности 1836 г. оценка: «Лучшие абреки-вожаки были перебиты в стычках с нашими войсками, многие из них покорились, некоторые, и это были самые опасные, с упорством продолжали свое кровавое ремесло. Между последними отличались ловкостью и необыкновенным счастьем [Жансит Хаджи Увжуко] и два князя, [Бесланок Аслангирей] и [Хатокшоко Магомет]» [Торнау 1999: 258]. Согласно компетентному мнению российского офицера: «За каждый набег они платили генералу (Зассу. – Т.А.) равно удачным нападением на нашу границу». За признанием ситуации клинча в военном противостоянии следует ретроспективная экспликация тех чаяний, которые возникли в связи с жизненными переменами у упомянутых акторов. «Наконец, – вспоминает автор, – казалось, счастье хотело увенчать полным успехом старания генерала водворить полное спокойствие на Линии: [Хатокшоко Магомет], тяжело раненый в правую руку, лишился возможности владеть оружием и поехал в Турцию лечить рану», а Бесланок Аслангирей и Жансит Хаджи Увжуко «объявили» о готовности к переговорам [Торнау 1999: 258]. Для командующего Правого фланга, пытавшегося к этому времени не первый год форсировать пацификацию враждебной активности на вверенном ему участке имперской линии подобные обстоятельства явились как нельзя кстати. Поэтому в том же 1836 г. им предпринимаются экстраординарные шаги по выведению хаджретского лидера из режима импеданса. Однако эта попытка, как известно, не увенчалась успехом (а сюжет, связанный с ней требует отдельного исследования).

Имеющиеся, следует сказать, ограниченные источники, практически не отражают результатов деятельности Бесланок против имперской военной линии в последующие после пленения Торнау месяцы. Однако некоторые наблюдения позволяют с осторожностью предположить вовлеченность Бесланок в рейде на Кисловодскую линию. Обращает на себя внимание, что поход последовал сразу же по истечении срока, обозначенного хаджретами, и необходимого для отгона своих стад с плоскости «в глубину абазехских лесов» после эксцесса с бароном Торнау [Торнау 1999: 265, 269]. Это обстоятельство перекликается с вышеозначенным посещением Аслангирея абазехскими старшинами в первой декаде сентября 1836 г. Представляется, оно происходило в контексте уже готовившегося абазехами предприятия во главе с Хирциж Але. Как бы то ни было, последний был ранен в районе Кисловодска (после чего в скорости скончался) и отходом руководил другой предводитель [Филипсон 2022: 145]. Им и мог быть Аслангирей. По крайней мере, Щербина, касаясь предприятия, организованного героем настоящего повествования в 1837 г. намекает, что это было повторением модуса действий предыдущего года [Щербина 1913: 410]. Опираясь на гипотезы, стоит также отметить, что Бесланок Аслангирей предстает в качестве наиболее вероятной фигуры организатора разорения и Боргустанской станицы годом ранее, в октябре 1835 г. [Гизетти 1901: 34; Толстов 1901: 246]. Однако оговоримся, что и здесь мы располагаем только косвенными свидетельствами, в связи с чем ограничимся на время лишь обозначением реперных точек в реконструкции каузальных цепочек этих сюжетов.

В любом случае общий контекст военно-политического взаимодействия в регионе и учет весьма несовершенной организации архивной работы в российском военном ведомстве в регионе позволяют говорить о том, что Бесланок не выпал из обоймы наиболее последовательных противников имперского продвижения. Поэтому то обстоятельство, что его имя всплывает только осенью следующего года, не может быть расценено лишь как возобновление его военной активности.

В.Г. Толстов в своей «Истории Хоперского полка...», опираясь, видимо, на полковой архив отмечает, что Бесланок Аслангирей стал виновником нарушения

«сравнительной тишины», установившейся было в районе Баталпашинского участка Кубанской линии в 1837 г. Как следует из его повествования, в это время «Хоперцы несколько отдохнули, хотя на кордонных постах тревоги не прекращались. Резервы полка до самой осени никуда не ходили в походы, а только поддерживали и усиливали свои кордонные посты» [Толстов 1901: 250]. «Но в первых числах октября [1837 г.], – как отмечается здесь, – за Кубанью стало беспокойно. Сотня хоперцев, в составе отряда подполковника Епифанова, выступила в поход к Лабе, вследствие полученных известий о сборище сильной партии горцев на р. Ямансу (Чамлык. – Т.А.), под предводительством Аслан-Гирея» [Толстов 1901: 250].

«21-го числа это сборище, около 1000 всадников, заняло берега р. Ходзь, в 10-ти верстах выше устья Лабы. Генерал Засс, взяв с линии 500 кубанских казаков, 24-го октября, соединился с Епифановым и, после небольшого отдыха, двинулся к переправе через Лабу с целью атаковать хищников». Далее автор не скрывает, что противник «своевременно проведал о приближении русских», но своеобразно трактует последующее его действие: черкесы-де «бросили своих художонных товарищей и, составив партию до 400 всадников на добрых конях, пустились к нашим границам» [Толстов 1901: 250]. В предложенной картине 1) «своевременной» осведомленности черкесов о намерениях противника, и 2) их решении в ответ, не отсиживаться в обороне, а предпринять глубокий рейд против него уместность глагола «бросили» в отношении соратников, не вовлеченных в рискованное предприятие, кажется предельно сомнительной. К тому же и дальнейшее описание событий не выглядит безупречным: «Засс тотчас дал знать на кубанскую и кисловодскую линии о принятии мер осторожности, а сам с казаками и конными орудиями кинулся по следам партии, которая повернула к верховьям р. Ходза. В 9 часов утра 26-го октября, отряд Засса настиг горцев вблизи баговских аулов, где часть партии бросилась в горы, а другая стеснилась у входа в ущелье и приготовилась к обороне» [Толстов 1901: 251].

Как видно, в пассаже не уточняется, с какой частью разделившегося черкесского отряда Засс вошел в боевое соприкосновение. Если речь идет о «брошенной» «художонной» части, остается проигнорированным вопрос о месте и обстоятельствах последующего появления на границе четырехсотенной ударной группы, которую по логике вещей должен был возглавить сам Аслангирей. Если же она отказалась от первоначального замысла и совместно с «художонными» отступила в направлении верховья Ходзи и закрепилась в «Баговских аулах», то чем было мотивировано разделение сил, когда, наоборот, «при стеснении у входа в ущелье» концентрация боевой мощи была наиболее оправданной. К тому же выражение «часть партии бросилась в горы» не воспринимается релевантной описываемой повествователем ситуации. «Вход в ущелье» уже предполагает наличие горного ландшафта (хотя можно допустить, что повествователь под «горами» подразумевал верховья Ходзи), а исходя из содержания текста предусмотрительно отошедшим черкесам, как выше отмечено, не было необходимости дробить силы в наиболее неподходящий момент без цели осуществления специального маневра. Толстов же о таковом не сообщает. С высокой долей вероятности это позволяет предположить, что под «частью партии», «бросившейся в горы» скрываются обыватели «баговских аулов» – женщины, дети и старики, которые могли не успеть своевременно эвакуироваться. И, разумеется, в таком случае наиболее вероятным модусом действия отряда Бесланого видится выделение прикрытия для их безопасного конвоирования. А оно не могло быть настолько внушительным, чтобы ослабить тысячную партию. Соответственно, картина успешного натиска со стороны шестисот казаков, примерно девятисотенного, изготовившегося к отражению, черкесского отряда представляется чуть ли не результатом авторского преувеличения. В противном случае приходится серьезно умалить изначальную численность черкесского отряда. Примечательно, что в тексте не отмечена потеря

россиян, что в предложенных обстоятельствах не могла быть настолько ничтожной, чтобы не касаться этого вопроса. При этом, автор с удовлетворением отмечает, что «горцы были окончательно рассеяны, оставив в наших руках 11 тел и 6 убитых лошадей». Симптоматично, что и фактор «конных орудий» – единственное преимущество на стороне казаков в открытом бою с черкесской конницей также был оставлен автором без внимания. Поэтому «свидетельство» о «довольно жаркой перестрелке» «во время которой хоперцы выпустили 693 патрона» не очень добавляет консистентности картине сражения и его исхода [Толстов 1901: 251].

Позднее этим сюжетом заинтересовался Ф.А. Щербина. Однако напрашивавшемуся более вдумчивому анализу он предпочел более упрощенное и менее аккуратное воспроизведение толстовского конструкта, что еще заметнее исказило картину события. «В 1837 г. горцы пытались повторить тот же прием набега, что и в 1836 г., но на этот раз еще менее успешно. Снова тысячная партия горцев собралась в верховьях р. Ходзь, притока Б[ольшой] Лабы. Сам Засс двинулся с отрядом к переправе через Лабу. Но горцы, узнавши об этом, разбились на две части: 400 наилучших всадников бросились к русским границам на Кубань, а 600 с худшими лошадьми и оружием направились в противоположную сторону к верховьям Ходза. Засс дал знать начальникам Кубанской и Кисловодской линий о принятии мер предосторожности против черкесской партии в 400 человек, а сам погнался за остальными горцами и разбил их у баговских аулов» [Щербина 1913: 410]. Не говоря о перегруженности щербиновских сентенций оценочной интонацией, вызывает озабоченность пренебрежение членкора императорской академии к географическим параметрам затрагиваемого сюжета и соблюдению азов формальной логики. Так, приняв его утверждение о сборе черкесов «в верховьях р. Ходзь» за достоверный факт (что, исходя из вышеизложенного текста Толстова, не соответствует действительности) остается вне рамок разумного объяснения сентенция об отправлении их части опять-таки к «верховьям Ходза». А перенос «баговских аулов», расположенных, согласно Толстову, у входа в ущелье Ходзи к ее верховьям, и вовсе привносит в осмысление этого фрагмента российско-черкесского противостояния большую путаницу. Авторские недоразумения не ограничиваются вопросами сеттинга. Постулируемая в качестве завязки коллизии «попытка повторения приема набега 1837 года» субстантивно не раскрыта, поэтому непонятным остается содержание указанного «приема». Почему-то понимавший значение артиллерии в войне с черкесами Щербина [Щербина 1913: 276] так же, как и Толстов, не затронул вопроса о ее роли в этом бою. «Элиминирование» из предложенной конструкции четырехсот «наилучших всадников» якобы «бросившихся на русскую границу» на Кубань также подталкивает к дезавуированию адекватности щербиновских построений.

Следующий источник, свидетельствующий о боевой активности Аслангирея, хронологически относим уже к следующему году. Рассказывая о зиме 1837/1838 гг. Торнау вспоминал: «Между тем стужа увеличилась, а съестные припасы уменьшались. Голод был у дверей, и Тамбиев (пленивший Федора Торнау Тамби(й) Асланбек. – Т.А.) решился наконец искать спасения от него в грабеже. Он не славился особенным молодечеством и со времени моего плена совершенно бросил ездить на воровство, принимая только участие в больших собраниях, от которых стыдно было отказаться. Все свои надежды он полагал на мой выкуп. Но тут нечего было делать, пустые желудки всех домашних, не исключая меня, отказывались кормиться надеждами. Тамбиев присоединился к абрекам, нападавшим на Линию под предводительством Аслан-Гирея (курсив наш. – Т.А.), и увлек даже за собою обыкновенно миролюбивого Алим-Гирея, имевшего привычку драться с русскими только в тех случаях, когда они нападали на абазехов...» [Торнау 1999: 322].

...Торнау несколько путанно датирует события, связанные с вовлечением кабардинского тлекотлеша в акции Аслангирея. Так, в «журнале плена» (1839) он

пишет о том, что «...весною 1838 г. Тамбиев однажды привез тохтамышинского ногойца» [Торнау 1999: 479] о чем он упоминает и в другом месте («После одной из своих воровских поездок, Тамбиев вернулся триумфально с добытою им где-то арбой кукурузы и проса, двумя коровами и пленным тохтамышским ногойцем...») [Торнау 1999: 324]. За этим последовал и другой рейд, в результате которого «привез он и казака Донского казачьего Епифанова полка, схваченного близ Вознесенского укрепления» [Торнау 1999: 479]. Однако, в другом месте про то же событие автор отмечает следующее: «В конце февраля человек сто черкесов, между которыми был и Тамбиев, напали на двадцать донских казаков, ехавших с Чанлыка на Кубань, тринадцать из них убили, а семерых захватили в плен. Когда стали делить добычу, на долю Аслан-Бека достался молодой казак...» [Торнау 1999: 327]. (Эти сведения находят подтверждение и в другом источнике [Потто 1877: 25]). Такая путаница в деталях объяснима – свои воспоминания Торнау издал спустя, без малого, три десятилетия после описываемых событий. Да и февраль с определенной условностью можно отождествить с началом весны.

В видах настоящего исследования важнее то, что в памяти рассказчика прочно отпечатались, что «В это время Аслан-Гирей составлял из кабардинских абреков и из абазехов большое сборище для продолжительного похода против русских...» [Торнау 1999: 325]. Показательно, что именно в контексте этой инициативы в повествовании приводится столь красноречивое наблюдение: «Люди, подобно Аслан-Гирею и Джансеиду искавшие завладеть народным мнением и занять степень военных начальников в борьбе против русских, имели обыкновение, задумав какое-нибудь важное предприятие, посылать по краю сперва этого рода импровизаторов, которые, прославляя их ум и дела, увлекали за ними народ» [Торнау 1999: 326]. На данном этапе мы не располагаем достоверными сведениями о результатах столь живо отмеченных Торнау предприятий хаджретского лидера.

Имя князя возвращается на страницы известных нам источников лишь спустя несколько месяцев. 8-го июля 1838 г. «удостоивший визитами» пребывавшего в Черкесии Джеймса Бэлла наперсник Аслангирея Жансит Хаджи Увжуко счел уместным сообщить своему визави о Бейслан-Оку – «вожде еще более высокого княжеского ранга» обосновавшегося в Абадзехии [Бэлл 2007: 330].

Спустя неделю после этой встречи на побережье, активность младшего Бесланко была замечена на северном склоне. В «скорбном списке» потерь Хоперского полка за 13 июля (правда, дата ошибочно отнесена к 1837 г. – Т.А.) зафиксировано «нападение партии хищников, под предводительством Арслан-Гирея» [Толстов 1901: 157]. Текст повествования, разумеется, более щедр на подробности. «13-го июля 1838 года, на развете, 15 черкесов, под предводительством абреков князей [Бесланко Аслангирея] и Алибея Мансурова, где-то далеко в степи за станицей Воровсколесской, захватили у казаков Хоперского полка несколько лошадей и 7 душ обоего пола, а одного казака убили» [Толстов 1901: 255]. Далее приводится сведение о шаблонной реакции российской стороны. «По тревоге из Баталпашина погнались в погоню за хищниками 80 казаков с полковником Рихтером, к которым присоединился на М. Зеленчуке еще пристав закубанских народов майор Венеровский» [Толстов 1901: 255]. Нападение было осуществлено в глубине территории, подконтрольной имперской военной администрации «где-то далеко в степи за станицей Воровсколесской», т.е. северо-восточнее этого населенного пункта. А погоня началась лишь после получения сведений о происшествии в находившейся в тылу черкесского отряда станице Баталпашинской. Это вряд ли могло произойти раньше отхода черкесов через Кубань, на берегу которой была расположена Баталпашинская. Вероятность успешного преследования в этих условиях представлялась невысокой. Поэтому, неудивительно, что «Дойдя до Урупа, из [русской] команды осталось на добрых конях только 35 человек, у остальных же лошади стали» [Толстов 1901: 255].

Далее, Толстов пишет: «Тогда команда разделилась: Рихтер с 20-ю хоперцами пошел вверх по Уруп, а Венеровский с остальными пустился по следам партии и вскоре нагнал горцев, пробиравшихся к лесу. В этот момент с Венеровским осталось только 6 казаков, с которыми он, не смотря на неравенство в силах, смело бросился на хищников» [Толстов 1901: 256]. Однако последующее повествование явно грешит непоследовательностью. В очевидно далеком от непредвзятости изложении хода боестолкновения автор утверждает: «Черкесы встретили нашу горсть храбрецов выстрелами, при чем убили одного казака, а майора Венеровского и еще одного казака ранили. Эта первая неудача, однако, не смутила хоперцев; они быстро спешились и, окружив своего храброго начальника, открыли по черкесам огонь, посылая в ряды хищников меткую пулю за пулей».

Если данное сообщение «очистить» от бравурной риторики («наша горсть храбрецов», «не смутила хоперцев», «посылая меткую пулю за пулей») перед читателем предстает довольно неутешительная для хоперцев картина их скоротечной нейтрализации. Факт: уже при «встрече» казачьей погони она сразу потеряла половину состава. Автор, разумно оценив это обстоятельство как «первую неудачу» воздержался от последующего логичного изложения развития ситуации. Вместо уравновешенного и последовательного рассказа о нем в текст вплетается сюжетная петля молниеносного обращения преследователей в преследуемых, которая, однако, вместо объяснения подменяется духоподъемной картиной почему-то спешившихся «метко» отстреливающихся казаков. Умалющим репрезентативность толстовского повествования наряду с нерелевантным кодированием причинно-следственных связей является и заявленная диспропорция столкнувшихся сил. Как выше отмечено преследователи численностью в 7 человек, «не смотря на неравенство в силах», смело бросились на «пробиравшихся к лесу» черкесов [Толстов 1901: С. 255]. Опираясь предложенными вводными, можно напомнить, что ровно столько же составляло количество пленных. Это значит, что семеро из пятнадцати участников прорыва на Линию изначально, так или иначе, должны были участвовать в их транспортировке вне зависимости от того, пробирался ли отряд к лесу «гуртом» или вытянувшись в линию (последнее предположение более вероятно; судя по последующему успешному отходу через лес проходила известная черкесам тропа). Не вдаваясь в дальнейшую детализацию картины боя, отметим лишь, что артикулированное в тексте «неравенство сил» если и было достигнуто, то после «первоначальной неудачи», в ходе контратаки перегруппировавшегося отряда Аслангирея. В этом контексте выраженная патетика в словах Толстова о «решимости казаков бороться до последнего» и «боязни горцев подвергнуться нападению команды полковника Рихтера» выглядит избыточной. То, что атаковавшие казаки в ходе непродолжительного боестолкновения были поставлены в необходимость «спешиться» и проявить «решимость бороться до последнего» говорит скорее в пользу их противника. А стремление избежать незапланированной встречи с превосходящим неприятелем в условиях выполненной задачи также не может умалить целесообразность принятого Аслангиреем решения к продолжению отхода. Не случайно Толстов вынужден был признать, что агентами действия в ситуации выглядели именно черкесы, по инициативе которых бой и был прекращен. Закономерно, что и в финализации сюжета, автор не удержался от интонационной асимметрии описания итоговых действий сторон. В очередной раз, обнаруживая свою приверженность необъективному письму, он заключил: «Черкесы поспешно удалились в лес, а казаки с Венеровским возвратились на Кубань» [Толстов 1901: 256].

Раздвигая панораму рассматриваемого вопроса, представляется оправданным отвлечься на одну деталь. Как можно было заметить выше, локация станицы Воровсколесской с какого-то времени становится зоной систематических нападений, организованных Бесланом Аслангиреем. Любопытно, что в черкесском фольклоре эта территория имеет специфическое отражение. В песне «Къэбэрдей

зекIуэ уэрэд» («Походная песня кабардинцев») встречается черкесский топоним эквивалентный русскому названию «Воровсколеская». Хотя в песне отсутствует имя Аслангирея, хронологически, мотивационно и номинативно «хаджретский» пафос песни артикулирован четко («Уо, си кIэнжэ унэр къ-зо-нэщI, Озэрэгъ-унэ-жыыр къы-зогъэщIэжъ; // Си-ныбжьэгъу-фI гуцэхэр с-япэкIэ макIо; хьэжрэтыр со-щIри сакIэльокIожъ – Э! Мой канжинский дом я опорожняю, Азреговский дом старый я обновляю // Мои друзья закадычные меня вперед идут; хаджретствуя я за ними следом иду») [Къэбэрдей... 1988: 19]. Обозначенный же в ней топоним, столь часто в источниках увязываемый с боевой деятельностью князя фигурирует в ней следующим образом: «Бжыны-кьо гуцэм и-къэзакъы-жыыр нэхуцэм зы-гъэдыхъэшх» («Казаков воровсколесских заставляющий смеяться на рассвете»). Как правило, в черкесских песнях рассматриваемого периода взаимоотношения с казаками, которые за десятилетия непрерывной вражды заняли место архетипических врагов, описываются как взаимодействие с неприятелем, соответственно, обхождение с ними черкесских героев предельно brutальное:

«Къэзакъыщхэр зи сотэрэшкъэ...

Къэзакъыщхэр зи сэтэрэшхэм

ПщIэгъуалэр куэпкъкIэ зэрешэ...» («Казачьи головы для тебя сотареш // Для того, кому казачьи головы сотареш // белым конем он коленями правит...») [Сэнджэлей и уэрэд... 1986: 105].

«Къэзакъыжхэр гъатхэ чы пыхъупхэ гуцэт къэбухъуэнщIкъэ

Къэрэгъулхэр тхуезухъуэнщIэх...» («Казаков поганных, как весенние прутья, рубишь // Караулы [их] словно сучья, рубишь») [Ахъмэтэч и къуэ Жандар и уэрэд... 1986: 166].

«Къэзакъгуэ цыешхуэ кIэкIхэр езыудыхыр Лъостэн Али и къуэкIэ Алищ» («Казаков (в) черкесках серых коротких сваливающий кто (это) Тлостана Али его сын самый Али есть») [Турчанинов 1976: 120].

«Гирцыжев длинным грозит ружьем,

Верховых жалит он пулями.

Казаков, пулей сраженных,

Хорунжих – не сосчитаешь» [Кабардинский фольклор 2000: 374].

«В Санджалее, где движется войско большое,

Злое сражение идет.

Те, для кого, что мяч – голова казачья,

По-над Майко уходят» [Кабардинский фольклор 2000: 374].

В «Кабардинской походной...» же мы имеем дело с выбивающейся из привычного паттерна, и производящей впечатление легкомысленного высказывания, шуточной реплики. Однако сопровождающий песню пояснительный текст приближает к пониманию содержания сообщения. В нем, также в игривом тоне упоминается персонаж – «веселый шутник», «который заставил рассмеяться сторожевого воровсколесского казака, *когда он утром на рассвете заметил свой обман...* (курсив наш. – Т.А.)» [Къэбэрдей... 1988: 22]. Стоит ли сомневаться в том, что упоминаемый здесь «обман» носил характер боевой смекалки и находчивости. Одних военных импровизаций каламбиевских героев против казаков в этом районе, и примерно в рассматриваемое время, достаточно для понимания конно-маневренного мобильного рисунка войны, которую навязали хаджреты своему противнику [Кешев 1976: 148–160]. Собственно, реальные действия отрядов Аслангирея на Кубанской линии и «сухой черте» были не менее красноречивы, чем подвиги героев повести «Абреки».

В подтверждение этого приведем сообщение об одной боевой акции, проведенной отрядом князя спустя две недели после июльского нападения на район Воровсколесской. Так, в источнике отмечается, что «2-го августа ночью та же партия, как передавали лазутчики, пробралась к урочищу Воровсколесскому и на

кочевке захватила в плен четырех человек; на другой день поздно вечером у поста Березоваго черкесы отбили пять казачьих лошадей, ранили одного казака и затем скрылись. По тревоге постова команда бросилась на поиски, но благодаря темноте и пересеченной местности без всякого успеха вернулась назад» [Толстов 1901: 127, 256].

Спустя три недели Аслангирей ударил по другому району Линии. В соответствующем реестре приводится событие, датируемое 24-м августа. «При нападении той же партии на работавших в поле жителей ст[аницы] Барсуковской и при преследовании хищников за Кубань убито нижн[их] чин[ов] – 10; ранено нижн[их] чин[ов] – 3; пропало без вести – 9» [Толстов 1901: 158].

В повествовательной части Толстов подробно останавливается на этом событии, обеспечивая погружение в драматические перипетии хаджретского рейда. Они, согласно автору, сводились к следующему: «...в ночь на 24-е августа те же абреки, князя [Бесланок Аслангирей] и Мансуров, с партией около 200 всадников, переправясь через Кубань между постами Преградным и Донским, скрылись в лесистых балках. В полдень же 24-го числа, выскочив из балок абреки бросились на работавших в поле жителей станицы Барсуковской, убили 9 и ранили 2-х человек, а 24 души обоего пола захватили в плен. По тревоге выскочили казаки с постов Преградного и Донского и резерв станицы Барсуковской, с урядником Дубковым, которые прискакали к Кубани уже во время обратной переправы хищников. Здесь казаки отбили 2-х женщин, убили 2-х горцев и 6 лошадей. Когда же партия переправилась за Кубань, они последовали за нею и на р. Казме снова вступили с черкесами в перестрелку, во время которой был убит у хоперцев один казак и [Толстов 1901: 256] и две лошади; горцы потеряли нескольких раненых. Эти команды и подоспевший резерв станицы Невинномысской, под начальством сотника Бирюкова, гнались за хищниками до Урупа и еще версты три далее, но вследствие наступившей темноты и сильного дождя не могли настигнуть горцев, которые успели с полоном скрыться в лесистых тущобах рек Тегеней» [Толстов 1901: 257]. Любопытен маневр, исполненный в манере рейдов 1820-х гг. Болотоко Джамбулата и Касей Исмаила: «При нападении горцев на барсуковских жителей, часть партии отделилась и бросилась на подполковника Шапошникова, проезжавшего по близости из станицы Барсуковской в станицу Невинномысскую с конвоем из 8-ми хоперских казаков. Завидев хищников, хоперцы спешили и приготовились к отчаянной обороне. С налета горцы осыпали их градом пуль, ранили одного казака и одну лошадь, но, в свою очередь, встреченные метким огнем, они поспешно отошли назад и примкнули к главной партии, уже атакованной нашими отрядами» [Толстов 1901: 257].

О степени напряжения, навязанной хаджретами в это время можно судить и по следующим сведениям. Командующий баталпашинским участком подполковник Рихтер в один из месяцев 1838 г. рапортовал начальнику Кубанской линии в следующих выражениях: «Сего месяца 4 числа пополудни в 11 часов дано мне знать с поста усть невинского, что хищники в неизвестном количестве (до 12 чел.) между постами осторожным и усть Невинским напали на ехавших из станицы Беломечетской в Невинный мыс на двух пораволовых подводах малороссийского казачьего полка трех казаков из коих Моисей Бряскола убит, а Захарий Цепенко ранен в бок пулею и левой руки кисть отрублена шашкою и Иван Талановский ранен пулею в ногу, почему я тот час собрал резерв невинномысский [и] отправился на место происшествия»» [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 96. Л. 1].

На месте были выяснены обстоятельства происшествия: 12 черкесов напали на казаков «перед заходом солнца» (согласно хаджретскому обыкновению – «назначили минуту нападения под вечер... Последняя краска дня исчезла за вершиной леса. Наконец, послышался сигнал. Мы с гиком высыпали из лесу и врубались в самую гущу...») [Кешев 1976: 147]. Там же было выяснено, что «кроме вышесказанного

они отобрали два ружья, две пашки и боевые патроны (62 [штук])» и два пистолета, после чего переправились обратно через Кубань [РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 96. Л. 1].

В другое время, 25 сентября 1838 г., «близ поста Воровсколесского», в очередной раз вспыхнул бой. Результаты его остаются неизвестными, но о его значительности косвенно свидетельствуют «знаки отличия», пожалованные некоторым участникам боестолкновения [Толстов 1901: 126.]. Об участии Бесланого Аслангирея в последних коллизиях нет сведений, однако источники свидетельствуют, что 27 октября князь во главе отряда в 30 человек устроил засаду на казаков. Черкесская «партия», «скрывшись в ущелье возле укрепления Хумары, выждала, когда появились казаки и двух из них убила, а одного взяла в плен»; после чего благополучно покинула место атаки [Щербина 1913: 411].

Резюмируя актуальную на 1838 г. диспозицию противоборствующих сил в субрегионе Верхней Кубани один из российских авторов вынужден был констатировать: «...хищные черкесы как-то успевали и отбиваться от нападений на их аулы наших войск, и посещать наши пределы для разбоя и грабежа» [Толстов 1901: 251–252].

Обращение к биографии Бесланого Аслангирея в период 1835–1838 гг., таким образом, позволяет артикулировать важнейшие характеристики жизненной траектории хаджретского лидера. В перспективе всего жизненного пути этот отрезок времени несомненно предстает как зенит его военной деятельности. Интенсивность / частотность боевых акций, инициатором которых предстает князь, отраженный в источниках широкий диапазон численности его отрядов и географический размах его рейдов обнаруживают в нем одного из самых значимых военных лидеров воюющей Черкесии в рассматриваемый период.

Список источников и литературы

Ахъмэтэч и къуэ Жандар и уэрэд // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. I. С. 164–168.

Кешев 1976 – *Адыль-Гирей Кешев*. Характер адыгских песен // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980. С. 123–141.

Гизетти 1901 – *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 гг. Тифлис, 1901. 130 с.

Кабардинский фольклор 2000 – Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Издание второе дополненное. Нальчик: «Эль-фа», 2000. (647 с.)

Къэбэрдей... 1988 – Къэбэрдей зекIуэ уэрэд // Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв. Книга вторая. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 19–24.

Сэнджэлей... 1986 – Сэнджэлей и уэрэд // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. I. М., 1986. С. 104–111.

Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 96.

Толстов 1901 – *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696–1896. Тифлис, 1901. Ч. I–II. 1901. 120 с.; 239 с.

Торнау 1999 – *Торнау Ф.Ф.* Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-фа», 1999. 507 с.

Турчанинов 1976 – *Турчанинов Г.Ф.* Неизвестная песенная запись Ш.Б. Ногма // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века (Материалы конференции 28–29 марта 1974 года). Нальчик, 1976. С. 110–123.

Потто 1877 – *Потто В.А.* Яков Петрович Бакланов. Биограф. очерк. СПб., 1877. 187 с.

Щербина 1913 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 2. Екатеринбург, 1913. С. 411. 848 с.

Филипсон 2022 – *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. Составитель и автор вступительной статьи Кожев З.А. Нальчик, 2022. 490 с.

References

- Ax`me`te`ch i k`ue` zhandar i ue`re`d. Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe people. Edited by E.V. Gippius]. Pod red. E.V. Gippiusa. T. III. Ch. I. Pp. 164–168. (In Russian)
- ADY`L`-GIREJ KESHEV. *Xarakter ady`gskix pesen* [Selected works of Adyghe educators]. Izbranny`e proizvedeniya ady`gskix prosvetitelej. Nal`chik, 1980. Pp. 123–141. (In Russian)
- GIZETTI A.L. *Sbornik svedenij o poteryax Kavkazskix vojsk vo vremya vojn Kavkazsko-gorskoj, persidskix, tureczkix i v Zakaspijskom krae* [A collection of information on the losses of Caucasian troops during the Caucasian-Mountain, Persian, Turkish and Transcaspian wars]. 1801–1885 gg. Tiflis, 1901. 130 p. (In Russian)
- Kabardinskij fol`klor* [Kabardian Folklore]. Obshchaya redakciya G.I. Brojdo. Izdanie vtoroe dopolnennoe. Nal`chik, 2000. 649 p. (In Russian)
- K`e`be`rdej zekiue` ue`re`d. Fol`klor ady`gov v zapisyax i publikacijax XIX – nachala XX vv.* [Adyghe folklore in records and publications of the 19th – early 20th centuries]. Kniga vtoraya. Nal`chik: E`l`brus, 1988. P. 19–24. (In Kabardino-Circassian)
- Se`ndzhe`lej i ue`re`d. Narodny`e pesni i instrumental`ny`e naigry`shi ady`gov* [Folk songs and instrumental tunes of the Adyghe people]. Pod red. E.V. Gippiusa. T. III. Ch. I. M., 1986. P. 104–111. (In Russian)
- Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 15264. Op. 1. D. 96. (In Russian)
- TOLSTOV V. *Istoriya Xoperskago polka Kubanskago kazach`ego vojska 1696–1896* [History of the Khopersky Regiment of the Kuban Cossack Army 1696–1896]. Tiflis, 1901. Ch. I–II. 1901. 120 s.; 239 p. (In Russian)
- TORNAU F.F. *Sekretnaya missiya v Cherkesiyu russkogo razvedchika barona F.F. Tornau* [The secret mission to Circassia of the Russian intelligence officer Baron F.F. Tornau]. Nal`chik: «E`l`-fa», 1999. 507 p. (In Russian)
- TURCHANINOV G.F. *Neizvestnaya pesennaya zapis` Sh.B. Nogma* [Unknown song recording by Sh.B. Nogma]. Obshhestvenno-politicheskaya my`sl` ady`gov, balkarcev i karachaevcev v XIX – nachale XX veka (Materialy` konferencii 28–29 marta 1974 goda). Nal`chik, 1976. Pp. 110–123. (In Russian)
- POTTO V.A. *Yakov Petrovich Baklanov* [Yakov Petrovich Baklanov]. Biogr. ocherk. SPb., 1877. 187 p. (In Russian)
- SHHERBINA F.A. *Istoriya Kubanskago kazach`yago vojska* [History of the Kuban Cossack Army]. T. 2. Ekaterinodar, 1913. S. 411. 848 p. (In Russian)
- FILIPSON G.I. *Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona* [Memories of Grigory Ivanovich Filipson]. Sostavitel` i avtor vstupitel`noj stat`i Kozhev Z.A. Nal`chik, 2022. 490 p. (In Russian)

Информация об авторе

Т.Х. Алоев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

Information about the author

T.H. Aloev – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 21.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.